

Четвертым томом завершается издание “Этимологического словаря словенского языка”, работа над которым осуществлялась в течение нескольких десятилетий. Замысел словаря относится к довоенному 1939 г., когда была создана комиссия по подготовке этимологического словаря словенского языка. В 1943 г. было опубликовано акад. Ф. Рамовшем тридцать пробных этимологических статей. В послевоенные годы работа над словарем была возобновлена Ф. Безлаем, учеником Ф. Рамовша. На протяжении многих лет вся научная деятельность акад. Ф. Безлая была подчинена изучению словенской лексики в этимологическом плане. Первый том словаря (A–J) увидел свет в 1976 г. (см. [Куркина 1979]), а следующий второй (K–O) – в 1982 г. (см. [Куркина 1985]). После кончины акад. Ф. Безлая к работе над словарем подключились ученики академика – М. Сной и М. Фурлан. В третьем томе (P–S), который был издан в 1995 г., значительная часть авторской работы (примерно две трети от общего объема) выполнена М. Фурлан и М. Сноем (см. [Куркина 1996; 1997]). Последний IV том, охватывающий лексику в объеме Š–Ž, почти полностью подготовлен учениками Ф. Безлая. Те немногие статьи, которые были написаны еще Ф. Безлаем (ср. топоним

Vreme, vrótek ‘источник’, *znúbelj* ‘устье печи’, *zaprítek* ‘испорченное яйцо’, *zobâlo* ‘узда’ и т. д.), с учетом новой литературы дополнены комментариями его учеников (ср. *zúbelj* ‘пламя’, *židek* ‘жидкий’, *zolití* ‘кричать’). В научных кругах “Этимологический словарь словенского языка” известен как словарь Ф. Безлая; его имя сохраняется на обложке четвертого тома – в этом проявление глубокого уважения к учителю и большому ученому, заложившему основы словенской этимологии. В эти же годы М. Сноем был подготовлен и издан адресованный широкому читателю “Словенский этимологический словарь” (1997 г. и 2003 г.), в котором в полном объеме представлена общеупотребительная лексика словенского литературного языка [Куркина 1998]. Выход в свет тех и других изданий без преувеличения следует признать событием в научной жизни. Впервые словенская лексика в полном объеме стала предметом этимологического анализа.

Этимологический словарь представляет собой большое многоаспектное исследование, в котором этимологизация слова опирается на понимание процессов в области словообразования, морфонологии и семантики. За подходами, используемыми при решении этимологических задач, стоит отношение к проблемам

сравнительной грамматики славянских языков, праславянской реконструкции, лингвистической географии и т.п. Основопологающим для концепции словенского словаря стало разработанное Ф. Безлаем положение об особой архаичности словенского языка, который согласно его теории в силу своего периферийного положения в большей степени, чем другие славянские языки, сохраняет индоевропейское наследие. Отсюда ориентация на поиски индоевропейского наследия в словенском словаре. С этим словарем связано другое методологически важное положение – принцип семантического тождества лексем при выборе славянских и индоевропейских соответствий и разработке этимологического решения. Естественно, время внесло некоторые коррективы в понимание узловых вопросов словенского лингвогенеза, однако при этом осталась неизменной общая направленность словаря на выявление особенностей словенского языка в контексте славянских и индоевропейских связей. По мере продвижения работы над словарем больше внимания стало уделяться вопросам славянского словообразования. В III и IV томах восстанавливаемая исходная структура словенского слова соотносится с действующими в славянских языках моделями словообразовательных отношений. В томах, подготовленных уже без участия Ф. Безлая, во многом доминирует подход, основанный на поиске структурных моделей, регулирующих развитие и преобразования словенских лексем в плане словообразования и акцентологии. Нельзя не отметить, что в процессе длительной работы и в связи с изменением авторского состава произошли некоторые изменения в толковательной части словарной статьи. Если Ф. Безлай, обзревая разные этимологические версии, показывает возможность и вероятность разных решений при определенных условиях, то в III и IV томах авторы занимают более определенную позицию, находят аргументы для обоснования своего решения, нередко не совпадающего с традиционным, причем при выборе этимологии существенная роль отводится показаниям акцентологии. Необходимо отметить, что статьи несут на себе печать авторской индивидуальности, что проявляется в использовании тех или иных аспектов этимологического анализа. Если в словарных статьях, подготовленных М. Фурлан, особое внимание уделяется вопросам типологии в области словообразования и семантики, то в статьях М. Сноя при использовании тех же приемов анализа в центре внимания реконструкция исходной словообразовательной структуры слова на индоевропейском уровне, поиски словенских лексем со структурой, унаследованной из индоевропейского праязыка.

Методика, применяемая в словаре, вытекает из особенностей словенского материала, который в силу объективных причин крайне ограничивает возможности использования всех приемов этимологического анализа и прежде всего приемов внутренней реконструкции. Пространство маневров сужено по причине отсутствия непрерывной письменной традиции и, следовательно, конкретных языковых фактов, позволяющих провести верификацию разрабатываемого этимологического решения. Дополнительные трудности связаны с большой диалектной дробностью словенского языка, глубокими диалектными расхождениями в фонетическом облике исторически тождественных диалектных слов. При невозможности применения корректирующих аспектов анализа реконструкция исходной формы и значения, выбор той или иной модели возможных преобразований производится с опорой на факты семантической и словообразовательной типологии. Однако в ряде случаев постулируемое авторами этимологическое решение, не прошедшее всесторонней проверки, предстает схемой, абстрактным построением, не подкрепленным анализом внутренних резервов славянского языкового материала.

Последний том, охватывающий большой фрагмент лексики в объеме букв *Š, T, U, V, Z, Ž* (примерно треть от общего объема), насыщен лексическим материалом. Авторы стремятся с максимальной полнотой представить словенский материал. Для каждого слова, вынесенного в заглавие, приводятся сведения из исторических источников (Фрейзингенские отрывки, словари Мегисера, Гутсманна и т.п.), из диалектов, причем в качестве источника привлекаются новые, недавно опубликованные словари (словари Новака, Карничара, Томинца и т.д.), а также диалектологические исследования, в том числе магистерские диссертации, дипломные работы студентов. Перечень новых источников и публикаций по диалектной лексике, современные исследования по этимологии, лингвистические атласы славянских языков, этнографические работы и т.п. приведены в “Дополнениях к библиографии”, которыми открывается IV том. Состав лексики IV тома весьма разнообразен. Здесь и общепотребительная лексика, и заимствования, и слова, извлеченные из исторических источников (ср. *zbroja* ‘сбруя’, *zakonik* ‘священник’, *zalučo* ‘umsonst, vergebens’), и узколокальные образования, ограниченные в своем распространении отдельными диалектами (ср. *šiprun* ‘внезапный дождь’, *šipovnik* ‘каменный свод’, *šiška* ‘плохая груша’, *šivati* ‘моросить (о дожде)’, *ščavočina* ‘мясо с требухой; пленка, покрывающая брюшину’, *vížale* мн.ч. ‘ходули, костыли’),

vóraden 'редкий', vědrna 'радуга' и т.д.), и слова, подчеркнутые из работ Ф. Миклошича (ср. vóz 'связь', voliši 'лучше', viš 'хлеб'). В словарь включены топонимические названия (ср. Vopolje, Šiška, Vídem, Vrhóvo, Izlake, Znojšle и т.д.), которые рассматриваются как один из источников утраченной или утрачиваемой лексики. На указанный отрезок словаря приходится образования с префиксами *u-*, *za-*. Отдельные, самостоятельные позиции в словаре получают префиксальные образования с сильно затемненной внутренней формой. Бесспорна ценность лексического материала, включенного в IV том. Многое из того, что вошло в словарь, слабо известно в науке или вводится впервые (ср. *tericati* 'стряхивать пыль с мешка' < *tréti*, диалект. *tičáti* 'жечь дрова', *zarúčen* 'курчавый (о волосах)' и т.д.). В целом словенские материалы обогащают наши представления о составе славянского словаря. Для ориентации в материале, для удобства пользования словарем необходим словоуказатель в качестве приложения ко всему четырехтомному изданию.

Словарь построен на сочетании гнездового подхода с раздельной этимологической разработкой отдельных слов, что требует от составителей гибкого подхода при выборе заглавного слова. При гнездовом подходе принято помещать в качестве заглавного производящее слово, соответственно производные при условии ясных мотивационных отношений – в качестве отсылочных. Авторы не всегда последовательны в распределении материала. Вокруг глагола, открывающего словарную статью, как правило, группируются все производные, в том числе префиксальные образования с отражением чередования гласных в корне, внутренняя форма многих из них затемнена и потому, на наш взгляд, нуждается в пояснении. Так, в гнезде глагола *-vréti* 'натянуть, намотать' находим образования, связанные между собой морфонологическими отношениями (ср. *-vřrati*, *-vřrati* и т.п.), отглагольные имена, производные от префиксальных глаголов, с весьма глубокими отличиями в семантике (ср. *podvřra* 'деталь плуга', *zřvor* 'шлагбаум' и т.п.), многие из них заслуживают отдельного рассмотрения. При гнездовом подходе в какой-то степени восполняются пробелы предыдущих частей словаря, поскольку слова, по каким-то причинам не вошедшие на соответствующие буквы, оказываются включенными в этимологические связи. В некоторых случаях в отсылочной статье оказывается один из морфонологических вариантов слова, ср. *vlřžen* 'медленный', структура которого, на наш взгляд, требует более подробного комментария в плане отношения к *vřlhek I*. В то же время можно найти немало примеров раздельной трактовки

производных с довольно прозрачными семантическими связями: ср. образования с корнем *zelen-*: *zelřn* 'viridis', *zelřn* 'вид виноградной лозы', *zelenřjva* 'holus'. Выбор заглавного слова подчас сопряжен с трудностями, специфическими для словенского материала. При глубоких различиях в фонетическом облике диалектных слов перед авторами стоит дилемма, включать ли все фонетические варианты слова в одну словарную статью или развести их по разным статьям. Так, диалект. *zřnec* 'fons' получает самостоятельную статью в IV томе, а в III т. то же слово с подробными этимологическими комментариями рассматривается в гнезде *studřnec*. В других подобных случаях лишь один из вариантов получает объяснение, а другой помещается в отсылочной статье (ср. *voriř I* 'грязь на косе' с отсылкой к *řriř* 'чернота, выступающая на косе при работе в жару', *vřtje* с отсылкой к *rřtje* 'источник' и т.п.).

Как и в предыдущих томах, последовательно проводится принцип семантического тождества при определении близких лексико-семантических соответствий и разработке этимологии. Применение этого принципа позволяет составителям выделить в составе генетически тождественных образований с далеко разошедшимися значениями ряды соответствий, близких и в плане семантики. Словарь ориентирован на выявление лексико-семантических связей, общих направлений в семантическом преобразовании слова: ср. словен. *vřlk* 'воспаление кожи' ~ серб.-хорв. *vřřac* 'gangraena' и русск. *волчанка*; словен. *vřlk* 'вид сорняка у клевера' ~ серб.-хорв. *vřřica* 'Orobanchе', русск. *волчók* 'сорное растение' и т.п. Особым вниманием в словаре пользуются балто-славянские связи. Словарь отмечен поисками близких семантических соответствий, однотипных семантических изменений, объединяющих балтийские и славянские языки: ср. словен. *třpsti* 'толочь, бить', *-třpsti* 'мазать, смазывать' ~ литов. *třpti* 'мазать' и 'бить, толочь', лтш. *tept* 'мазать', *tapřt* 'колоть, рубить (дерево)', словен. *-třpsti* 'есть' ~ литов. *teptęti*, лтш. *teptę* 'есть, жрать, хлебать' с восстанавливаемым для балто-славянского ареала семантическим переходом 'мазать' > 'толочь, бить'. При этом серьезные возражения вызывает четко прослеживаемая тенденция рассматривать формально близкие слова с разными значениями как генетические омонимы. Семантический критерий не может быть основным при выборе этимологического решения. Как известно, этимология базируется на сочетании разных аспектов анализа, и семантика является составной частью комплексного подхода к этимологии. Решение признается более или менее вероятным при условии взаимной проверки и полного со-

ответствия всех аспектов анализа. Сложные семантические процессы нередко приводят к расщеплению этимологически и исторически тождественных образований. Историко-этимологическим анализом не подтверждается раздельная трактовка *-vĭkniti* (в сложении *obĭkniti*, ср. *bolečina obĭkne* ‘боль прошла’ ~ макед. *vikne* ‘начать’), для которого признаются невыясненными дальнейшие связи, и *-vĭkniti se* (ср. *na-vĭkniti*, *pri-vĭkniti* ‘привыкнуть’), выводимого М. Сноом из праслав. **vykŋpti*. Также едва ли оправдано этимологическое разделение *ščetĭna* ‘щетина’ и диалект. *ščetĭna* ‘ругательство в адрес назойливого или надменного человека’, поскольку вполне очевидна семантическая производность последнего. Большие сомнения вызывает реконструкция разных соответствий и разных этимологических истоков для *ūt* в значении ‘intellectus, mens’ (~ литов. *auktiō* ‘разум’) и *um* ‘злость, желчь’, ср. *na umi biti* ‘злиться’ (~ литов. *aumonis* ‘разум’, лтш. *aumanis* ‘не в своем уме, безумный, неистовый, яростный’). При таком подходе исключается сама возможность семантических изменений и таким образом признается неизменность семантики на всем протяжении развития слова. Между тем в противоречии с этим основным постулатом находятся ссылки на типологию семантических преобразований, на типы мотивационных отношений, ср. обоснование производности словен. *ščāv* ‘Rumex’ от и.-е. **skēu-* ‘резать’ < **sek-* ссылками на отношение словен. *rézati* ~ *rézek* ‘о резком, кислом вкусе’ и т.п.

При последовательном проведении семантического принципа наиболее спорной оказывается трактовка словообразовательно-этимологических связей, направления словообразовательных процессов. Так, исходя из различий в семантике, М. Фурлан предполагает две разные производящие основы для глагола **bĕliti*: **bĕliti* ‘делать белым, т.е. растапливать животное сало’ от **bĕlь*, которое определяется как абстрактное имя, производное от прилагательного **bĕlь* с конкретным значением ‘свиное белое сало’, а **bĕliti* ‘белить’ от прилагательного **bĕlь* ‘albus’ (с. 375), с чем трудно согласиться (ср. [ЕССЯ, 2: 84–85]). Различия в семантике, подкрепленные ссылками на акцентные отношения, служат основанием для предлагаемой М. Сноом реконструкции разных производящих основ для *vīt* ‘винт в винogradном прессе’ и *vítek* ‘гибкий’, традиционно рассматриваемых в гнезде слав. **viti* ‘вить’: *vīt* < и.-е. **ǵiH-ti-*, а *vítek* от глагольного интенсифика на *-iti* – **vititi* (ср. хорв. *vittiti* ‘сгибаться’), что противоречит правилам образования производных с суф. *-ъкъ*. При исследовании словооб-

разовательной структуры словенского слова и – шире славянского слова авторы стремятся углубить во времени словообразовательные процессы, выявить исходные отношения в системе индоевропейского праязыка. Однако далеко не всегда оправдана проекция словообразовательной структуры слова на индоевропейский уровень. Так, праслав. **vblĕčica* (> словен. *volčica* ‘lupa’) толкуется не как производное от *vblъk* ‘lupus’, а как продолжение и.-е. **ǵl̥ kʷiH-kā*, образования с суффиксом уменьшительности от и.-е. **ǵl̥ kʷiH-*. При таком подходе не учитывается активно действующая в системе праславянского языка модель образований имен на *-ica* со значением уменьшительности.

С большими трудностями сопряжена этимологизация словенской лексики с начальным *ž-*. Одна из причин – возможность разных истоков для начального *ž-*. Славянская лексика с начальным *ž-* слабо изучена. В составе этой лексики немало заимствований (*šabraka* < турецк. *şaprak*, *šafati* < нем. *schaffen* и т.д.), экспрессивных образований, не подчиняющихся правилам регулярных отношений. Для объяснения лексики, имеющей ярко выраженную экспрессивную окраску, авторы вводят в состав словообразовательных средств своеобразные усилители – форманты, отличные от суффиксов – *-pa-*, *-ed-ra-*, *-k-* и т.д., назальный инфикс *-m-*. С допущением таких формантов получают объяснение слав. **šar-pa-ti* < **šarati*, **šar-k-ati* < **šarati*, словен. *šab-ed-rá-ti* ‘ходить на кривых ногах’, словен. *šá-m-prkati* ‘хромать’ < **šapati* ‘неуклюже ходить’ и т.п. Такое понимание структуры словенских слов с начальным *ž-* носит несколько искусственный характер. Следует обратить внимание на то, что в словенском языке была весьма продуктивна словообразовательная модель с архаичными префиксами *ša-/še-/šo-/ši-*, **ko-* и т.д. Как раз материал, приведенный в IV томе, позволяет полное проследить действие архаичной модели, впервые описанной на словенском материале А. Дебеляком. Многие формальные трудности отпадают, если допустить участие префикса *ša-/še-/š-* в образовании словен. *šámer* ‘выродок’, *šamrėti* ‘шуметь, жужжать, хлопотать’ (~ *mřėti*), *šemetati* ‘ходить вразвалку’ (~ *metáti* ‘бросать’), *št-praka* ‘сухие ветки, используемые как подпорки для гороха’ < **porkъ*, далее к **perti*, *šámprkati* ‘хромать’ < **šá-prъrkati*, *ša-bedráti* ‘ходить на кривых ногах’, к *bedro*, ср. производные от **bedro* словен. *bedríti se* ‘хромать’, русск. диалект. *bedrúty* и *bedrúty* ‘наваливаться одним бедром на оглоблю, о лошади’ – [СРНГ, 2: 177] и т.д.

Поиск этимологического решения для подавляющей части диалектных слов, изначальная форма которых затемнена поздними про-

цессами, требует не только знания фонетических процессов, по-разному протекавших в разных частях небольшой словенской территории, но и интуиции, поскольку многие изменения носят нерегулярный характер, обусловлены, в частности, редукцией слогов в беглой речи, что до неузнаваемости изменяет облик слова. С восстановлением цепочки фонетических преобразований, которые претерпели словенские диалектизмы, славянский материал пополнился новыми соответствиями в плане словообразования, морфонологии, семантики и т.п. К числу удачных решений можно отнести истолкование таких слов, как словен. *ščína* 'щепка, лучина' < **dъ/bščina*, к **dъska*, *škedénc* 'ключ (источник)' < **št' idénc* < **studénc*, *šívati* 'моросить, о дожде' < **sbčivati*, *škrába*: *škrabo biti* 'вид игры' < **skorba* ~ лтш. *skafba* 'осколок', *škomídati* 'шататься' (< **sb-ko-měrdāti*), *tórežen* 'приспособление для помешивания молока' < *tvorežъnъ*, *tráča* 'полотенце' < *tirača*, к *treti*, *žébrna* 'десна' к *zěbsti* 'algere' и т.д.

При знакомстве со словарем во всей сложности предстают лексические связи словенского языка с соседними славянскими и неславянскими языками. Это важно особенно в тех случаях, когда заимствованное слово видоизменяется и приобретает форму, характерную для словенских слов (ср. *vrgánj* название гриба < венг. *úrgomba*, словен. *udáv* 'Boa constrictor' – калька нов.-лат. *constrictor*). С выявлением пласта лексики, заимствованного словенским языком из соседних близкородственных языков (ср. *zabuščivati* 'уклоняться от дела, лениться', *zavičaj* 'отечество', *tínjec* 'слюда' из сербского и хорватского и т.д.), расширяется материальная база исследований взаимосвязей языков и диалектов западной части южнославянского ареала.

Большой по объему четырехтомный "Этимологический словарь словенского языка" вводит в практику научных исследований новый лексический материал, который далеко не всегда легко и просто поддается объяснению. Словарь, богатый идеями, интересными подходами к анализу лексики, не столько решает, сколько ставит вопросы, требующие дальнейшего изучения. Далеко не все предлагаемые в словаре этимологии могут быть приняты, каждая из них может и должна стать предметом

всестороннего, обстоятельного анализа с привлечением литературы, которая по каким-то причинам оказалась не использованной составителями.

"Этимологический словарь словенского языка" Ф. Безлая занимает особое место в кругу славянских этимологических словарей. С выходом в свет этимологических трудов по словенскому языку можно с большой определенностью говорить об особом направлении в этимологии, разрабатываемом словенскими учеными. В основу этимологических разработок положен принцип семантического тождества слова на всем протяжении его развития и связанное с этим разграничение омонимов на генетическом уровне. Для этого направления характерно ограниченное использование возможностей внутренней реконструкции при работе не только на словенском, но и шире – на славянском материале и ориентация на выявление словенских лексических диалектизмов с истоками на индоевропейском уровне. Этимологический анализ с опорой на данные акцентологии составляет отличительную особенность словенской этимологической школы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Куркина 1979 – Л.В. Куркина – Этимология 1977. М., 1979; Рец.: F. Bezljaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Prva knjiga A–J.
 Куркина 1985 – Л.В. Куркина – Этимология 1983. М., 1985; Рец.: F. Bezljaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. II: K–O.
 Куркина 1996 – Л.В. Куркина – ВЯ. 1996. № 4; Рец.: F. Bezljaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. III: P–S.
 Куркина 1997 – Л.В. Куркина – Этимология 1994–1996. М., 1997; Рец.: F. Bezljaj. Etimološki slovar slovenskega jezika. Knj. III: P–S.
 Куркина 1998 – Л.В. Куркина – ВЯ. 1998. № 3; Рец.: M. Snoj. Slovenski etimološki slovar.
 СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–39. М.; Л., СПб., 1965–2005.
 ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1–32. М., 1974–2005.